КАК ЗАСОЛИТЬ ДРАКОНА: КЛАССИЧЕСКИЙ АРАБО-АНТИЧНЫЙ РЕЦЕПТ

HOW TO PICKLE A DRAGON: CLASSIC ARAB-ANTIQUE RECIPE

© 2021 **Валерий Анатольевич Матросов**

преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ и Восточного факультета ГАУГН, Москва, Россия
vam_179@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3316-0444

Valeriy A. Matrosov

lecturer of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Relations, National Research University "Higher School of Economics" and Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; vam_179@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3316-0444

© 2021 **Мария Васильевна Кривошеева**

студентка Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия; krivvosh@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7505-0470

Maria V. Krivosheeva

student of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Relations, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
krivvosh@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7505-0470

Статья посвящена систематизации и изложению слегка разрозненной информации, касающейся двух удивительных «творений Аллаха» — *тиннина* и *су'бана*, которые могут считаться двумя «классическими» драконами арабо-исламской традиции. Несмотря на то, что эти существа скорее находили отражение в фольклоре, сказочном материале, на то что предания о них и причиняемых ими напастях в основном передавались в рамках устной традиции, по прошествии веков сведения о *тиннине* и *су'бане* можно почерпнуть лишь в средневековых трактатах. Подобный характер источников, возможно, лишает читателя возможности детально ознакомиться с этими удивительными созданиями как с элементом верований рядовых жителей Халифата, зато позволяет более фактурно проследить кросс-культурные связи: *тиннин* и *су'бан* оказываются тесно переплетены не только с семитской традицией, но и с античной. Впрочем, даже если эти два существа перекликаются с семитскими и древнегреческими драконами (а если брать шире, — и с привычными нам крылатыми рептилиями из преданий Западной Европы, и с длинноусыми и бескрылыми драконами Китая), они не лишены определенной аутентичности, а связанные с ними предания, хотя некоторые из них и содержат архетипичные сюжеты, в большинстве своем весьма оригинальны. Основная часть статьи состоит из трех небольших разделов — первый посвящен характеристике *тиннина*, а третий — описанию *су'бана*. Второй раздел содержит предания о *тиннине*, имеющие вид законченных сюжетных историй. Базовым источником информации послужили «Чудеса творений» Закарии аль-Казвини, однако ряд подробностей, деталей, сюжетных поворотов почерпнут у других авторов, начиная с великого популиста исламской науки аль-Джахиза и заканчивая авторами географических и биологических трактатов XIV–XV вв. В заключении приводятся соображения о роли *тиннина* и *су'бана* в развитии исламской космологии, делаются предположения о том, каким образом в арабомусульманской среде развивались параллельно две «драконовые» традиции, и стоит ли отождествлять или разводить в разные стороны двух упомянутых существ.

Ключевые слова: тиннин, су'бан, драконы, исламская космология, исламская мифология, арабский фольклор

Для цитирования: Матросов В. А., Кривошеева М. В. Как засолить дракона: классический арабо-античный рецепт. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 146–157. DOI 10.18254/S268684310018003-1

This article focuses on systematization and presentation of slightly scattered information concerning two amazing “creations of Allah” — Tinnin and Su‘ban, which can be considered as two “classic” dragons of the Arab-Islamic tradition. Despite the fact that these creatures were mentioned in folklore, fairy-tale material, and also legends about them were transmitted using oral tradition, the information about the Tinnin and Su‘ban can be gleaned only in medieval treatises over the centuries. Such sources, perhaps, deprive the reader of the opportunity to get acquainted in detail with these amazing creatures as an element of the beliefs of the ordinary inhabitants of the Caliphate, but this allows tracing cross-cultural ties: the Tinnin and Su‘ban are closely intertwined not only with the Semitic tradition, but also with the ancient one. Even though these two creatures have something in common with the Semitic and ancient Greek dragons (and moreover, with the winged reptiles we are used to from the legends of Western Europe, and with the mustachioed beasts from China), they are not devoid of a certain authenticity. Not only the legends associated with them, but also which contain archetypal plots are original. The main body of the article consists of three sections — the first one looks into the characterization of Tinnin, the third one into the description of Su‘ban. The second section contains legends about Tinnin, which look like complete storylines. The basic source of information was the “Miracles of Creations” by Zakariya al-Qazwini, but several details and plot twists were borrowed from other authors — beginning with the great populist of Islamic science al-Jahiz and ending with the authors of geographical and biological treatises of the 14th–15th centuries. In conclusion the authors give some considerations regarding the role of Tinnin

and Su'ban in the development of Islamic cosmology, as well as assumptions are made about how the two "dragon" traditions developed in parallel in the Arab-Muslim environment, and whether it is worth identifying or separating the creatures mentioned in the article.

Keywords: tinnin, su'ban, dragons, Islamic cosmology, Islamic mythology, Arabic folklore

For citation: Valeriy A. Matrosov, Maria V. Krivosheeva. How to Pickle a Dragon: Classic Arab-Antique Recipe. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 146–157. DOI 10.18254/S268684310018003-1

В фольклоре каждого народа можно найти сюжеты и истории, связанные с драконами, гигантскими змеями и подобными им существами. Так, в Европе представления о таких созданиях зародились в глубокой древности, а в период античности сформировались в полноценный элемент мифологической картины мира.

Когда мы открываем страницы трудов древнегреческих авторов, наше внимание сразу привлекает множество разнообразных фантастических и мифических существ, однако в контексте настоящего материала мы упомянем всего два — точнее, интерес для нас представляют Ехидна и Тифон. Согласно Гесиоду¹, Ехидна имела божественное происхождение и восхитительный облик: наполовину прекрасная лицом быстроглазая нимфа, а наполовину чудовищный змей, большой и кровожадный [*Античная лирика*, 2001, с. 38]. Проживала бессмертная Ехидна в недрах земли в пещере под скалой, вдали от богов и смертных людей. Избранником чудовища стал Тифон, у которого нижняя часть тела состояла из свернувшихся в кольца змей, а руки простирались далеко в обе стороны и также заканчивались неисчислимым количеством змей. **Ослиная голова Тифона касалась звезд, а огромные крылья затмевали солнце** [Аполлор, 1972, с. 10].

Именно эта чудовищная пара оказалась хтоническими праматерью и праотцом большинства чудовищ греческой мифологии. Представления о змеях и родственных им существах как о древнем символе самой земли, о неразрывно

связанных с окружающей стихией существах, олицетворявших одновременно вечность и смерть, закрепились в культуре греков на правах архетипа. Подобные создания не ограничивались Ехидной и Тифоном — змеи и драконы, ужасный Пифон, три сестры-горгоны, Сфено, Эвриала и Медуза, также принадлежали к той же категории.

Впоследствии на Западе едва ли можно было найти народ или племя, у которого не оказалось своего дракона — от Ёрмунганда в скандинавских странах до тварей из патериков, укрошенных тем или иным святым, от геральдических виверн до русского Змея-Горыныча. В отличие от Южной или Восточной Азии, где змеи и родственные им мифологические существа имели зачастую положительную символическую нагрузку (в китайской культуре дракон и вовсе символизирует светлое мужское начало мира — ян и ассоциируется с императорской властью), западных тварей объединял чудовищный характер и отрицательное отношение со стороны других персонажей связанных с ними сюжетов.

Однако генеалогия зловещих змееподобных существ Европы идет не из автохтонной греческой традиции, а с Востока — только не такого дальнего, как Китай или Япония. Вероятно, единого источника представления о драконах и других змееподобных хтонических существах, не существовало: так, происхождение уже упомянутого Тифона возводят то к хеттам, то к семитским народам Сирии, а довольно популярный в алхимии и эзотерике некогда символ

1 Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт. Его «Теогония» выступает одним из самых ранних и полных собраний греческих мифов, базовым источником для «Мифологической библиотеки» Аполлодора, «Метаморфоз» Овидия и т. д.

Илл. 1. Тиннин — «мировой змей» арабов

© Национальная библиотека Франции, XVIII в. (Здесь и далее — фрагменты двух рукописей «Чудес творения» Закарии аль-Казвини)

змеи, кусающей себя за хвост, легший в основу представлений о Мировом змее у германских племен и скандинавов, принято считать происходящим из Египта уроборосом.

Прошло много столетий. На смену древним грекам и римлянам в качестве двигателя европейского развития пришли новые народы, но, хотя никто давно не верит в сестер-Горгон или свирепую Ехидну с глазами нимфы, драконы остались неотъемлемой частью европейских культур. Совсем другие, крылатые и рогатые, далекие от древних образов огромных змей и змеелюдей, драконы трансформировались, но не пропали.

На смену древним египтянам, хеттам, семитским племенам Сирии на Ближнем Востоке также пришли новые народы — арабы, турки, персы. Мифологическое мировоззрение этих людей во многом определялось исламом, сравнительно поздно возникшей и своеобразной религией, доктрина которой выступала против многих древних поверий, включая и веру в удивительных существ. Безусловно, ислам, признававший безграничность возможностей Аллаха и творимых им чудес, не предполагал сурового реализма и приземленности, однако многие создания — оборотни, гигантские птицы и прочие существа — оказались под прямым запретом в текстах достоверных хадисов.

И тем не менее эти создания не были вытеснены целиком. Менталитет мусульманских наро-

дов позволил сохранить богатство окружающего бытия, в том числе, его фантастических элементов. В давние времена мир вокруг мусульманина был наполнен не только другими людьми и привычными животными, такими как кошки, овцы, тигры, олени или слоны, но и существами гораздо более удивительными: персонажами сказок, преданий и легенд, рассказов путешественников и купцов, выходцев из дальних краев.

В ярком параде необычных созданий присутствовали и драконы, причем не один, а минимум два. Возможно, их было и больше, однако в рамках данного очерка мы предлагаем кратко познакомиться именно с двумя представителями мировой мифологической фауны: с *тиннином* (Илл. 1) и *субаном*. Будучи своеобразными рудиментами древних традиционных мифологических представлений, эти чудесные существа благополучно просуществовали в представлениях арабов и соседних народов как минимум до конца средневековья.

Интерес к изучению данной темы подогревает не только то соображение, что драконы едва ли ассоциируются с арабской культурой в узком смысле и исламской культурой в целом, но и то, что истории и сюжеты, связанные с ними и приводимые в текстах трактатов, неизменно указывают на большую реалистичность этих существ, чем их «коллег». Например, гигантская птица *'анка'* (нечто среднее между иранской птицей рух и греческим фениксом; ближе к первой)

когда-то жила среди людей, однако последним, кто ее видел, был некий древний пророк времен царя Сулеймана. За проступки 'анка' была изгнана на острова к югу от экватора, куда не ступала нога человека [El-Cazwini, 1848, p. 419–420]. Это очевидный миф, с корнями, ушедшими глубоко в толщу истории.

С драконами все по-другому: в Антиохии (вернее, уже Антакии) во времена расцвета исламской культуры показывали минарет со скошенной верхушкой, которую смахнул хвостом *тиннин*, существовало предание о том, как подобную зверюгу засалил великий Гиппократ (а ведь он явно ближе к нам, чем Сулейман-Соломон!), а части тела *тиннина* и его «родича» *су'бана* продавали на рынках и использовали в качестве снадобий.

Источниками сведений выступают несколько классических трактатов. Древнейшим из них, вероятно, служит «Книга о животных» аль-Джахиза (775–868), причем, несмотря на весьма вольную структуру многотомного трактата, сведения об удивительных змеях (а *тиннин* и *су'бан*, безусловно, относятся к змеям) собраны относительно компактно. Наиболее полным и последовательным выступают «Чудеса творения и диковинки существующего» Закарии аль-Казвини (1203–1283), причем в рамках этого трактата по крайней мере *тиннин* показан с разных сторон, через призму разных сфер. Из литературы географического характера задействованы «Жемчужина чудес» Ибн аль-Варди (1291–1348) и «Благоухающий сад» 'Абд аль-Му'нима аль-Химьяри (ум. 1495); из литературы биологической — «Великая [книга] о жизни животных» Камаль ад-Дина ад-Дамири (1341–1405).

Данная статья не направлена на то, чтобы доказать, что драконы окружали средневековых мусульман в рутинном порядке или взаправду выпадали дождем где-то в районе Сибири, как можно будет заключить из одного из приведенных ниже сюжетов. На то, чтобы доказать, что арабы и персы были фантазерами и занимались мифотворчеством, она также не направ-

лена — тем более, кто знает, не мог ли дракон взаправду обрушить антиохийский минарет? Аргументация того, что драконы в арабской культуре действительно имели место, также не может служить основной задачей: это просто констатация факта. Скорее, не вполне строгой академической целью ставится структуризация небольшого, но немного разрозненного пласта информации, посвященного двум чудесным творениям Аллаха — *тиннину* и *су'бану*.

УСТРАШАЮЩИЙ *тиннин*

Сейчас сложно судить, к сколь глубокой древности относится возникновение представление о *тиннине*. По всей видимости, его «прототип», *Туннуу* (или *Таннуу*), представлял собой одного из ключевых демонов в угаритской мифологии ("одробнее, напр., см.: [О Ба'лу, 1999, с. 59–64]). Борьба *Туннуу* с повелителем небесных погодных явлений Ба'лу и победа последнего над Змеем, вероятно, служила элементом процесса наступления нового года, наступления обновления. *Туннуу* не представлялся в качестве божества (по крайней мере, к XIV в. до н. э., когда был зафиксирован основной корпус угаритского эпоса), однако, вероятно, истоки веры в его существование должны восходить к гораздо более древней эпохе, а хтонический характер этого существа определял его роль и значимость (вспомним, хотя бы еженощную победу Ра над змеем Апопом в древнеегипетской мифологии).

В той или иной форме *тиннин* был известен всем западно-семитским племенам и народам, упоминания о нем зафиксированы в финикийских текстах, в сирийской мифологической традиции, в Ветхом Завете (сходство угаритского дракона с Левиафаном вполне очевидно), и не удивительно, что он оказался элементом также и арабо-мусульманской традиции.

В настольной книге любого любителя средневековой криптозоологии, трактате «Чудеса творения и диковинки существующего» аль-Казвини, *тиннин* встречается в качестве объекта описания трижды, причем каждый

Илл. 2, 3. Изображения тиннина из разных фрагментов одной рукописи: примеры нестыковок в изображениях. XIII–XIV вв.

© Национальная библиотека Катара

раз — в новом качестве. Во-первых, он ассоциируется с созвездием Дракона; во-вторых, эпоним острова Тиннин, в-третьих — это самостоятельный род существ, заслуживающих пространного описания. Такой порядок упоминания проистекает из структуры трактата, в котором изложение сведений, связанных с небесным сводом и с всемирным океаном (со всеми морями и островами) предшествует биологическим наблюдениям.

Описание *тиннина* содержит некоторые нестыковки: то ли у него одна-единственная голова с огромной пастью, в которую разом влезает множество представителей местной экосистемы [El-Cazwini, 1848, p. 132], то ли, помимо «основной» головы размером с холм и с человеческими (!) чертами, есть также шесть «дополнительных» змеиных голов, которые крепятся к туловищу (вернее, шее) дракона на шести небольших, всего в 20 локтей длиной, шейх-отростках [El-Cazwini, 1848, p. 133] (Илл. 2, 3).

По-видимому, второй образ очень древний: упоминание о семиглавом облике змея восходит все к тому же угаритскому циклу сказаний о Ба'лу и Туннуну [О Ба'лу, 1999, с. 59]. Первый, приближенный к обычной змее (только, конечно, очень большой), впрочем, может быть не менее древним пережитком тотемизма, а может быть и следствием наблюдений за дикой природой дальних краев: не зря *тиннином* в современном арабском языке называют питона!

Жизненный цикл такого дракона проходит три больших стадии (далее по: [El-Cazwini, 1848, p. 132; Al-Djahiz, 1966, p. 154]). Сначала, вылупляясь из яйца, он, по всей видимости, имеет весьма скромные размеры, в силу чего передвигается по суше, поедая насекомых и мелких гадов. Немного окрепнув, он начинает охотиться на всех животных, которых может увидеть и догнать, пока не становится самым крупным существом на суше. Тогда звери, опасаясь перспективы быть переваренными *тиннином*, возносят мольбы к Аллаху, и тот посылает ангела, вышвыривающего дракона в море.

Стоит ли говорить, что в море *тиннин* ведет себя не лучше! Питаясь обитателями глубин и увеличиваясь в размерах, он царит и в водной стихии, заставляя и морских животных роптать и вызывать к Аллаху. Если жители побережий по несколько дней слышали гул и видели, как пучина бурлит и клоочет без видимой причины, они были уверены, что это ропот несчастных животных. Аппетиты *тиннина* действительно огромны; порой он так наедается, что его брюхо вспучивается, всплывает над поверхностью воды и, в силу огромных размеров и дугообразной формы, напоминает радугу. Жар солнца ускоряет процессы пищеварения, и вскоре дракон вновь может уйти на глубину, чтобы продолжить насыщение. В конце концов, когда мольбы морских обитателей становились невыносимо жалобными и громкими, Аллах направлял нового ангела,

который перемещал *тиннина* из вод на облака, вереница которых — всего семь штук — опускалась прямо в глубины моря и поднимала дракона.

Третий этап — короткий и трагичный, с летальным исходом. Вероятно, *тиннин* знает об этом, поэтому старается вырваться из облаков, вывалиться назад в море или хотя бы, пока тучи не подняли его в небеса, ухватиться хвостом за дерево, скалу или башню. В одной только Антакии (до прихода арабов и во времена Крестовых походов — Антиохии) было порядка десятка башен, разрушенных в ходе «отдиранья» дракона от крепостной стены. Кроме того, минарет местной пятничной мечети был обрублен почти на треть неосторожным взмахом хвоста. Откуда такая тяга производить разрушения именно в Антакии, тысячелетие спустя (минарет был обрушен драконом не позднее начала-середины IX в.: история упоминается уже аль-Джахизом) понять сложно: наверное, тучам было удобнее всего подниматься из моря к горам вдоль низовий славной реки Оронт.

Тучи уносят *тиннина* в страну народов *йа'джудж* и *ма'джудж* (далеко на северо-восток, за огромную каменную стену, что идеально подходит для Зауралья, то есть, Сибири), где и скидывают с облаков на землю. Возможно, это происходит раз в году, поскольку арабы упоминали о явлении, которое можно было бы коротко охарактеризовать как «сезонный драконий дождь»². Местное население приходит в восторг от подобных даров природы и, конечно, немедленно пожирает *тиннинов*: количество *йа'джудж* и *ма'джудж* столь велико, что ни одному дракону с ними не справиться. Кроме того, при падении хвост змея отделяется от тела, раскалываясь на десять кусков, причем какое-то время те (если их не съели сразу) шевелятся [Юрченко, 2007, с. 227].

О ПРОБЛЕМАХ КОНСЕРВАЦИИ И РОГАТЫХ КРОЛИКАХ

В последние десятилетия исследователи античной мифологии, как упоминалось, склоняются к разысканиям истоков древнегреческих мифов о драконах (первородный дракон Тифон и т. д.) в преданиях хеттов или сирийцев. Однако в эпоху расцвета классической исламской культуры, напротив, бытовавшие на Ближнем Востоке истории о драконах-*тиннинах* зачастую связывались с давно ушедшими персонажами истории Эллады. Ниже предложены две наиболее яркие истории.

Во-первых, с *тиннином* напрямую связан один из великих отцов-основателей медицинской науки — Гиппократ, которого аль-Казвини называет Кубрат Премудрый (*Кубрāt аль-Хакīm*³). Ссылаясь на неопознанное произведение самого Гиппократа (а в исламской средневековой культуре ссылки на авторитетные источники, даже если в них не находилось релевантной информации, были не менее неотъемлемой частью научной работы, чем сейчас в России), аль-Казвини утверждал, что однажды тот направился на некое морское побережье, где люди массово умирали по неизвестным причинам (здесь и далее до конца сюжета по: [El-Cazwini, 1848, p. 132–133]).

Примерно в 20 *фарсах*⁴ от деревень, подверженных мору, Гиппократ наткнулся на труп *тиннина*, которого облака подняли из морской пучины, но по какой-то причине не донесли до крайнего северо-востока. Неизвестно, сколько времени занял у мудрого медика обход дракона, но тот насчитал в нем два *фарсах* (порядка 11 км!) длины и оставил — если верить «Чудесам творения» — весьма подробное описание. *Тиннин* был покрыт рыбьей чешуей жизнерадостного тигриного окраса и обладал парой плавников. На его человеческой голове

2 Ad-Damiri K. *Hayāt al-hayawān al-kubrā*. P. 930–931. URL: <http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra.pdf> (accessed 30.08.2021).

3 Если точнее, «Гиппократ» трансформировался в «Букрат». Форму «Кубрат» (или «Кыбрат») следует воспринимать, вероятно, как следствие систематических описок при переписывании манускриптов.

4 *Фарсах* — мера длины, у персов и, впоследствии, арабов, равная приблизительно 5,5 км.

Илл. 4. Дракон с человеческой головой выглядит примерно так XVIII в.

© Национальная библиотека Франции

(Илл. 4) располагались огромные уши и круглые глаза, а на шести маленьких шеях, отходивших подобно отросткам от основной шеи, головы были змеиные.

Понимая, что смрад от огромной туши вызвал болезни среди жителей окрестных поселений, Гиппократ собрал с выживших крупную сумму денег, велел купить на эти деньги соли — и засыпал *тиннина* от головы до хвоста. Смрад прекратился, и эпидемия отступила. Что стало с горой соли длиной в 11 км, история умалчивает.

Отсылка к Гиппократу неслучайна — огромным авторитетом у арабов пользовались не только античные философы, но и медики. Описывая чудесные свойства *тиннина*, способы поедания его мяса и какой именно орган нужно обмазать его кровью для совершения крайне приятного полового акта, аль-Казвини, например, утверждает, что эти сведения «получены» от еще одного великого ученого древности, Галена [El-Cazwini, 1848, p. 133].

Однако еще один примечательный сюжет связан не с медиком и не с философом, а с **Александром Македонским** (он же аль-Искандер

Зу-ль-Карнейн), вобравшего в себя образы великого македонского полководца и одного благочестивого йеменского царя. Последнее важно понимать в контексте того, что арабы не всегда считали Искандера продуктом античной эпохи: в Средние века он был для них скорее примером арабо-исламской, а не эллинистической, добродетели. Предания об Искандере вобрали в себя и греко-византийский корпус легенд о приключениях и подвигах Александра, и ряд восточных сказок, превратившись в существенный пласт фольклора арабов и других мусульманских народов. Не удивительно, что, если история о Гиппократе появляется поздно (XIII в.), история о минарете в Антакии восходит к Джахизу (IX в.), а далее почти не упоминается, то рассказ об Искандере и драконе с незначительными вариациями встречается в любом труде, где находит место *тиннин*, а также в географических трактатах, поскольку Драконий остров (*Джазират ат-Тиннин*), на котором разворачивалась приводимая ниже история, представлялся вполне реальной частью карты мира (далее и до конца сюжета компилятивно по: [Al-Himyari, 1974,

Илл. 5. А что, если су'бан — это просто большая змея? XVIII в.

© Национальная библиотека Франции

р. 166; Ibn al-Wardi, 2007, р. 196–197; El-Cazwini, 1848, р. 132].

Итак, сюжет разворачивался на прекрасном острове, славившемся своими реками и лесами, полями и высокими стенами главного города. Однажды среди этой идиллии завелся дракон, который принялся губить посевы, воровать скот, не давал людям перемещаться по дорогам. Чтобы как-то сдержать свирепого *тиннина*, люди решили платить ему ежедневный налог: приводили в одно местечко, находившееся неподалеку от его логова, двух быков и оставляли там на погибель. Дракон налетал, подобно черной туче, глаза его сверкали, как молнии, а быки быстро оказывались внутри желудка.

Однако в тех краях каким-то чудом оказался прославленный Искандер, и обитатели злополучного острова решили попросить его избавить их от змея. Узнав об их тяжелой доле, Искандер придумал хитрость: он распорядился заколоть двух крупных быков, снять с них шкуры и начинить эти шкуры различными едкими и горючими веществами (перечень антитиннинового состава у разных авторов разный, в нем встречаются смола, сера, известь, мышьяк, нефть, ртуть, медь), а также железными крюками. Чтобы *тиннин* купился на уловку и проглотил приманку, два дня ему вместо быков приводили телят, разогревая аппетит, и лишь на третий день выставили чудовищное лакомство. То ли горячая смесь воспламенилась внутри змея, то ли он раскрыл пасть, пытаясь выплюнуть проглоченное, а люди

швырнули в эту пасть источник пламени, то ли *тиннина* стошнило, и железные крюки разодрали изнутри его желудок и глотку, но дракон был повержен, а люди и остров освободились от ига.

Неизменным завершением этой истории служит упоминание о том, что в числе многочисленных даров Искандеру был подарен удивительный зверек *му'радж*, обличьем похожий на кролика с золотистой шкуркой и черным рогом посреди головы, которым тот пугал хищников.

Премудрый Гиппократ, как положено ученому, засалил *тиннина*; отважный Искандер, как положено полководцу, *тиннина* взорвал. Так или иначе, примечательно, что именно герои античности стали неотъемлемым элементом фольклора об арабских драконах.

«МАЛЫШ» СУ'БАН

Второе из удивительных созданий — *су'бан*. Сведений о нем меньше, да и в арабском языке этот термин носит двусмысленный характер, обозначая или дракона, или обычную гадюку, причем о *су'бане*-гадюке и его войне с мангустами, отгрызающими ему (именно ему, не кобре) голову писал еще в IX в. аль-Джахиз [Al-Djahiz, 1966, р. 12–121]. *Тиннину*, кстати, в современном языке и реалистических биологических представлениях тоже нашлось место: слово «*тиннин*» ныне означает «питон». Однако это употребление сравнительно молодо, тогда как двойственность *су'бана* прослеживается на протяжении тысячелетия с небольшим (Илл. 5).

Илл. 6. Су'бан подозрительно похож на китайских коллег. XIII–XIV вв.

© Национальная библиотека Катар

В рамках данной статьи нас, конечно, будет интересовать «драконья» ипостась су'бана. По сравнению с *тиннином* су'бан — настоящий карлик, его детеныши достигают в длину лишь пяти локтей, а крупные особи — тридцати или чуть больше. Эти существа населяют Судан и Индию, причем обитатели индийского субконтинента крупнее и агрессивнее африканских сородичей; на обеих территориях самцы более свирепы, чем самки [El-Cazwini, 1848, p. 430].

Исключения ради, отсылка к авторитетам, воочию видевших су'бана и описывавших его, ограничивается обычно Предводителем Шейхов — так в арабоязычной традиции называли великого **Ибн Сину**. Если ограничиться описанием повадок этого существа, покажется, что речь идет об обычном удаве: су'бан охотится на зверей, проглатывает всех, кого удастся поймать, а затем обвивается вокруг скалы или ствола дерева, сжимает кольца, чтобы раздробить кости проглоченных животных, и отдыхает, переваривая добычу. Он может вести как земной, так и водный образ жизни, но, в любом случае, не выносит жара, а потому (впрочем, это уже не совсем про обычного удава) уползает на вершины высоких гор, чтобы дышать свежим воздухом, наслаждаясь прохладой. Что, кстати, отличает его от *тиннина*, который, напротив, предпочитает переваривать пищу на солнышке.

Однако обличье су'бана несколько отличается от привычных нам рептилий. Его голова характеризуется не только непримечательным черно-желтым окрасом и полной клыков пастью, но и подбородком под нижней челюстью (вернее, крупной выпуклостью, подобной подбородку), густыми бровями и гривой, причем — если верить аль-Казвини — сам Ибн Сина свидетельствовал, что грива и брови чудовища представляют собой весьма густой волосяной покров (Илл. 6).

Если отбросить в сторону образ мудрого бровастого удава Каа из классического советского мультфильма «Маугли», в голову приходит лишь одно правдоподобное объяснение: образ су'бана был во многом подвержен влиянию дальневосточной культуры, перенял некоторые черты китайских драконов. С учетом широкого торгового и культурного обмена между восточными провинциями Халифата и странами Восточной Азии, подобное заимствование представляется вполне логичным.

Нельзя не упомянуть, что разные части тела су'бана успешно использовались в хозяйстве. Кожа чудовища помогала прекратить любовь между влюбленными, подчинять своей воле животных, мясо придавало необычайную храбрость. А если отрезать голову су'бана и похоронить в правильном месте, она могла принести человеку много добра и богатства (упоминалось,

что захороненная голова *тиннина* имела дополнительный эффект, делая плодородной почву, в которую ее закапывали⁵).

Наконец, нельзя обойти вниманием и еще один момент. *Тиннин* и *су'бан* могут быть в какой-то степени возведены к одному прототипу, только образ *тиннина* и связанные с ним сюжеты были характерны для арабоязычного «сердца» Халифата, а образ *су'бана* — для восточных провинций. На развитие восприятия каждого из драконов воздействовали конкретные реалии, определенные культурные образцы, внешние культурные факторы, что в конечном счете и привело к появлению в научной арабской литературе сразу двух монстров с весьма непохожими повадками и внешностью.

Некоторые ученые XIV–XV вв. и следом за ними современные исследователи, такие, как Роберт Леблинг, полагали, что *су'бан* — «детская» особь *тиннина* (младше ста лет), фактически отождествляя двух существ и разделяя их лишь в качестве стадий развития дракона⁶. Однако разница во внешнем облике и повадках не позволяет подтвердить достоверность этой версии.

Вопреки частым представлениям о том, что драконы — персонажи сугубо европейского и восточноазиатского фольклора, вопреки отсутствию каких-либо ассоциаций между этими удивительными существами и исламской культурой, на деле, мусульманская средневековая традиция предполагала наличие подобных созданий. Более того, сюжет об антиохийском минарете или мимолетные упоминания о том, какие жаркие споры о природе драконов ведут в долине Бекаа [Al-Djahiz, 1966, p. 154–155], наглядно демонстрируют, что *тиннин* и *су'бан*, рассмотренные в данном материале, представляли собой безусловную часть реального окружающего мира.

Безусловно, сама идея наличия драконоподобных существ не была автохтонной арабской: она

восходила к хтоническим существам древних семитских мифологий, будь то угаритский *Тунну* или еврейский морской змей Левиафан. Однако уверенно проследить процесс культурного перехода образов — всегда довольно сложная задача. Несмотря на преемственность между арабами и более древними семитскими народами, античные сюжеты и персонажи напрямую указывают на то, что определенное влияние в становлении взглядов на природу *тиннина* оказала античная культура. Одновременно с этим в глаза бросаются китайские черты во внешнем облике (и индийские — в «месте проживания») *су'бана*, что позволяет говорить о том, что упомянутая выше преемственность была не совсем прямой, но оказалась опосредована многочисленными факторами, определялась культурным взаимодействием с соседними цивилизационными пространствами.

В заключение можно отметить, что и *тиннин*, и *су'бан* вовсе не походили на привычных нам драконов Западной Европы — крылатых и огнедышащих. Скорее, они напоминали огромных змей — даже если учитывать наличие у *тиннина* плавников и «дополнительных» шей. Однако развиться в мощную фольклорную традицию арабские драконы, в отличие от западных или китайских, не сумели: слишком мало сюжетов сохранилось, слишком незначительную роль сыграли эти существа в формировании мусульманской картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Античная лирика. Греческие поэты. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. — 960 с. [*Antique Lyrics. Greek Poets*. Moscow: RIPOL KLASSIK, 2001. — 960 p. (in Russian)].

Аполлодор. *Мифологическая библиотека*. Л.: Наука, 1972. — 215 с. [Apollodor. *The Bibliotheca*. Leningrad: Nauka, 1972. — 215 p. (in Russian)].

О Ба'лу. *Угаритские поэтические сказания*. М.: Восточная литература, 1999. — 536 с. [*About*

5 *Ancient Cryptozoology*. URL: <https://ru.scribd.com/document/49459067/Ancient-Cryptozoology> (accessed 11.09.2021).

6 *Ancient Cryptozoology*. URL: <https://ru.scribd.com/document/49459067/Ancient-Cryptozoology> (accessed 11.09.2021).

Ba'lu. Ugarit Poetic Legends. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. — 536 p. (in Russian)].

Юрченко А. Г. *Книга катастроф*. СПб: Евразий, 2007. — 318 с. [Yurchenko A. G. *The Book of the Catastrophes*. Saint Petersburg: Evrasiy, 2007. — 318 p. (in Russian)].

Al-Djahiz, Abu 'Uthman. *Kitab al-Hayawan*. Madjlid 4. 'Amman, 1966. — 503 s. [Al-Djahiz, Abu 'Uthman. *The Book of the Animals*. Volume 4. Amman, 1966. — 503 p. (in Arabic)].

Al-Himyari, Muhammd b. al-Mun'im. *Ar-Raud al-Mu'tar fi Habar al-Aqtar*. Bairut: Maktabat Lubnan, 1974. — 745 s. [Al-Himyari, Muhammd b. al-Mun'im. *The Fragrant Garden in the Tidings about Some Lands*. Beirut: Maktabat Lubnan, 1974. — 745 p. (in Arabic)].

Ibn al-Wardi. *Kharidat al-'adja'ib wa-faridat al-ghara'ib*. Al-Qahira: Maktabat ath-thaqafa wa-d-din, 2007. — 503 s. [Ibn al-Wardi. *The Pearl of the*

Wonders and the Uniqueness of the Strange Things. Cairo: Maktabat ath-thaqafa wa-d-din, 2007. — 503 p. (in Arabic)].

[el-Cazwini] *Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie* (in Arabic). Her. F. Wüstenfeld. Erster Theil. Die Wunder der Schöpfung. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1848. — 899 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ / ELECTRONIC SOURCES

Ad-Damiri K. *Hayāt al-hayawān al-kubrā* [Al-Damiri K. *The Great Life of the Animals* (in Arabic)]. URL: <http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alliwan-alkbra-.pdf> (accessed 30.08.2021).

Ancient Cryptozoology. URL: <https://ru.scribd.com/document/49459067/Ancient-Cryptozoology> (accessed 11.09.2021).